

ПЕРЕВОД В СВЕТЕ ФИДЕИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К СЛОВУ

Килевая Л.Т.

доктор филологических наук

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

Среди трех универсальных функций языка – информативной, репрессивно-эмотивной и призывно-побудительной (регулятивной) – в последней выделяется магическая подфункция. [1] Отношение к слову как к магической силе основывается на неконвенциональной трактовке языкового знака, сущность которой состоит в том, что язык рассматривается не как словесный элемент, а как часть предмета. Согласно сторонникам данной теории, произнесение имени может вызывать присутствие того, кто назван этим именем. [2, 3] Следствием неконвенциональности знака явилось страстное отношение к текстам, что в процессе языковой эволюции по-новому выразилось в целенаправленном воздействии на язык. Применительно к русскому языку следует говорить о книжной справе, ересьях, Никоновских формах; к христианскому миру в целом – о разделении христианского сознания на два направления, связанных в том числе со словом *feliokve* (и отсюда).

Фидеистическое отношение к слову, признание магической функции знака в рамках неконвенционального подхода предопределяет особое рассмотрение переводных текстов. Прежде всего, это касается священных текстов Писания, которые, по мнению многих исследователей, рискуют подвергнуться искажению сакральных смыслов в процессе перевода. Еще Мартин Лютер подчеркивал значение воздействия слова на человека. Философ утверждал, что, только овладевая сакральными языками, древнееврейским и древнегреческим, можно доподлинно понять Евангелие, смысл которого в определенной мере теряется в переводе [3, 172].

Возникновение относительно нового направления в лингвистической мысли – когнитивистики – позволяет небезосновательно полагать, что в конкретном слове заложено то ядро первосмысла, которое в определенной степени утрачивается в случае придания слову иной звуко-буквенной оболочки.

Тем более это касается текста в целом, о чем свидетельствуют самые общие наблюдения над русско-польскими и польско-русскими переводами, в которых отмечаются ментальные характеристики носителей языка-перевода и противопоставляются утраченным характеристикам носителей языка-оригинала. Сказанное подтверждает анализ текстов оригинала стихотворения Анны Ахматовой «Смятение» и его перевод на польский язык Л. Подгорским, Околовым и Гиной Гейштер.

При всей синонимичности синтаксических структур этого дословного перевода в нем отмечаются некоторые различия в подаче смысловых факторов, организованных на уровне национального подсознания: перевод осуществляется в категориях соответствующей ментальности. В частности фраза оригинала Пусть камнем надгробным ляжет на жизни моей любовь, заключающая значение заклęcia, в переводе трансформируется в желаемое действие виртуальной реальности: O, gdybyś płyłą grobową miłość na życiu mym legła.

С разными ментальными составляющими соотносится фраза O, как ты красив, проклятый! В переводе она обретает дополнительную коннотацию путем введения определения zdradziecka. Такого определения в оригинале не предполагается уже самой сутью русской ментальности. По определению Н.А. Бердяева, «русский человек мало способен к презрению». [4]

В переводе фраза Отошел ты, и стало снова На душе моей пусто и ясно звучит с учетом польской ментальности: Zostawiłeś mnie samą. I znów Było w duszy mej pusto i ciemno. Польская душа, согласно Н.А. Бердяеву, «наиболее утонченная и изящная в славянстве». Определенное изменение смысла фразы достигается путем использования в переводе местоимения samą, репрезентирующего концепт «одиночество». Психосемантический анализ польского слова samotność и русского слова одиночество, воплотивших данный концепт соответственно в польской и русской языковых картинах мира, позволяет усматривать существенное различие в передаче состояния лирического героя произведения. В оригинале это мужественная женщина, обретающая разумное начало в связи с утраченной любовью: по Н.А. Бердяеву, «русский человек горд своим смирением». В польском переводе в финале перед нами предстает женщина, продолжающая испытывать прежнее состояние смятения, душевной боли и тоски, поскольку «в польской душе есть переживание Христова пути, страстей Христовых, голгофской жертвы». [4]

Более глубокий смысл заключает в себе и польская лексема miłość по отношению к русской лексеме любовь, восходящих к общему концепту. Это находит объяснение в разных ментальных пространствах народов, восходящих к единой общности.

Степень сохранения ментального пространства носителей языка оригинала при переводе определяется, на наш взгляд, степенью постижения переводчиком их менталитета, способностью его учета в процессе иллокуции.

Вместе с тем фидеистическое отношение к слову может прийти в противоречие с самой языковой системой, используемой для перевода. Она в

случаев не позволяет доподлинно передать сакральный смысл слова. В частности, это касается русской лексемы любить в соответствии с польскими лексемами *lubić* и *kochać*.

Разграничение слова кохать, получившее дефиницию 'чувствовать боковую привязанность к кому-то, сердечную склонность к лицу противоположного пола', и слова любить, определяемого как 'иметь страсти к чему-то, отдавать предпочтение чему-то', остается неизменным в украинском, белорусском, польском и ряде других славянских языков, а также в некоторых русских диалектах (западные, смоленские говоры). Так, в словаре украинского литературного языка отмечается две лексемы с разными значениями: *кохати* – в значении «целовать», «холить» [5, 395] и *любити* – соответствующая русскому глаголу любить. [5, 438]

В словаре польского языка зафиксированы две лексемы, соответствующие русскому любить: *kochać* по отношению к человеку и *lubić* – по отношению к вещи. [6, 324] В современном русском литературном языке это соответствует единой лексеме любить, включающей в себя обе обозначенные дефиниции.

На тот факт, что первоначально, на этапе развития праславянского единства, концепт «кохать» вбирает в себя представление об обеих ипостасях, называют факты старославянского языка, в котором лексема кохать отсутствует вообще, а имеет место лишь глагол любить. [7, 315] О праславянском же происхождении данного слова свидетельствуют данные современных славянских языков, включающих его в активный словарный запас, в том числе наиболее реликтового польского языка. Приведенные рассуждения подтверждаются фактами этимологического словаря, согласно которому глагол кохать своим происхождением связан со словами роскошь, оснущья. [8, 356]

Согласно современным польским источникам, а также сведениям источников становления польского литературного языка, польские лексемы *kochać* и *lubić* разграничиваются на основе сформированной в сознании поляков эпохи Средневековья оппозиции «сакральный – профанный». Первый из элементов оппозиции связывается со словом *kochać*, а второй – словом *lubić*. Сказанное прослеживается, в частности, в поэзии знаменитого польского поэта начала XIX века Адама Мицкевича, в произведениях конца XIX века, в частности в романе Элизы Ожешковой (согласно ряду русских переводов, Элизы Ожешко) «Хам». [9]

В рассматриваемом произведении наблюдается последовательное употребление лексемы *kochać* в двух случаях, содержащих сакральное начало, предполагающее сакральный элемент взаимоотношений:

1) при обращении к человеку противоположного пола, с которым, как правило, говорящего связывают интимные отношения в случае предпочтения его всем другим людям. Так, Франка, обещая вечно любить Павла, говорит: ... *będę ciebie wiecznie i aż do śmierci kochać i szanować*; [9, 41]

2) при обращении к Богу или в случае упоминания и предпочтения Бога. Так, Франка, обращаясь к Павлу, прося помочь ей спасти уплывающие в широком Немане вещи, при упоминании имени Бога использует слово *kochać*: *Zmiłujcie się, człowieku, złapcie tę szmatę i mnie podajcie... Jeżeli Boga kochacie, złapcie...* [9, 9]

3) во фразеологизме *Jak Boga kocham*, соответствующем русскому клянусь: *Jak Boga kocham, niech ziemia zaraz rozstąpi się pode mną, jeżeli nie zginę*. [9, 37]

Интересным представляется тот факт, что в случае выражения неприязни к лицу противоположного пола либо безразличия, иными словами нерасположения, употребляется слово *lubić* либо его производные: *Wszędzie ściany cudze i ludzie cudzy, wszędzie jest sierotą, której nikt prawdziwie nie polubi i nie przygarnie; Nikt nigdy nade mną litości nie miał i wszyscy mną poniewierzali, choć czasem i lubili, a najczęściej ci poniewierzali, co niby to lubili*. [9, 35]

С помощью производного данной лексемы передаются будущие действия, основанные на надежде добрых, располагающих отношений с людьми: *Przyzwyczaisz się, polubisz i do siebie przyzwyczajają się, polubą*. [9, 33] Лексема *lubić* в романе употребляется также:

1) при обращении к близким людям в случае их предпочтения другим, привязанности, основанной главным образом на уважении. Например, при обращении Павла к своей сестре отмечаем: *Nie krzywdziłem ja ciebie nigdy, moja gołąbko, nie opuszczałem... lubiłem*. [9, 47]. Об Ульяне автор говорит: *Szanowała i lubiła brata*; [9, 49]

2) в случае пристрастия к чему-либо, предпочтения чего-либо. Так, данная лексема употребляется для обозначения привязанности Франки к грушам: *(О грушах) Dawnej Paweł sprzedawał je w miasteczku albo siostrze otdawał, teraz zostawił w chacie, bo Franka je lubiła*. [9, 69] Посредством слова *lubić* автор выражает глубокую привязанность героя произведения – рыбака Павла - к окружающим его окрестностям, родной природе, речке, которая его кормила: *Lubił powietrze nieskażone, choćby upalne lub mroźne*. [9, 6]

Помимо семантических различий двух рассматриваемых лексем, отмечается также разный парадигматический потенциал данных глаголов в дискурсе. В современном дискурсе ограниченными парадигматическими возможностями отличаются глаголы *кохать* (рус.), *кахаць* (бел.), *kochać* (польск.), *кахати* (укр.). Это выражается в том, что в изъявительном наклонении из парадигмы исключаются все формы множественного числа, а также повелительное наклонение в представленности потенциально возможных форм. Объяснением тому является смысловое несоответствие, связанное с семантикой данного глагола, претерпевшего в процессе эволюционного развития ограничительные изменения в связи с утверждением в языковой системе глагола *любить* с эквивалентной семантикой. При этом для последнего дискурсивных ограничений в парадигме не наблюдается.

Утрата современным русским литературным языком вербальной дифференциации таких явлений, как глубокая привязанность по отношению к

овеску и предпочтение чего-либо, думается, связана с тем, что мировидение писателя русского литературного языка с течением времени их нивелировало в силу определенных историко-культурных факторов. К одному из них можно отнести второе южнославянское влияние, которое русский литературный язык испытал в процессе исторического развития, поскольку слово кохать существовало и в старославянском языке, о чем уже говорилось выше. Его изначально и не могло быть в силу предначертанности последнего. Религиозное знание было направлено на любовь во всех ее проявлениях без учета половых различий. В связи с этим можно предположить также, что слово любить, принадлежащее к книжно-славянскому типу языка, в стилистическом отношении воспринималось носителем русской литературной традиции как «более литературное» в противовес просторечному кохать. В русском языковом сознании это выразилось в утрате уступающей в семантическом плане лексики кохать.

Глубина чувства героини романа Элизы Ожешко «Над Неманом», написанном на польском языке, передается в оригинале с использованием глагола *kochać*: *No, no! – mruknął Benedykt – te filozofie co innego, a twój los co innego! Czy zakochałeś się w tym człowieku, ha? Naprawdę kochasz go? – Kocham go z całego serca i jak w to, żyję, wierzę, że jestem kochaną – odpowiedziała.* Сила откровения фразы Юстыны, на наш взгляд, доподлинно не выражен в русском переводе В. Лаврова, где используется глагол любить и однокоренные с ним слова: *Ну, ну! – заворчал пан Бенедикт. – Философия – одно, а твоя судьба – другое. Полюбила ты, что ли, этого человека, а? Полюбила, да? – Да, я люблю это всем сердцем и верю, что и он любит меня. Отповедь Юстыны передает лишь некую информацию об уверенности девушки в ответном чувстве, но отнюдь не воплощает трогательность, к которой стремится писательница и которую ей удалось передать в оригинале.*

Таким образом, фидеистическое отношение к слову позволяет усматривать в нем те сокровенные смыслы, которые иная графическая оболочка не способна удержать, что сказывается на глубине передачи мысли в переводе.

Список использованной литературы:

1. Яковсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сб. статей. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
2. Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М., 1998.
3. Лютер М. Избранные произведения. – СПб.: Андреев и согласие, 1994. – 430 с.
4. Бердяев Н.А. Русская и польская душа // Бердяев Н.А. Философия свободы. – М., 2004. – С. 407-412.
5. Новітній українсько-російський словник. – Харків, 2003. – 1086 с.
6. Podręczny słownik posyjsko-polski. – Warszawa, 1975. – 904 s.
7. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). – М., 1999. – 842 с.